

Александр Лидин

Императорская охота

*Часть сборника
Запах смерти (сборник)*

Александр Лидин

Императорская охота

«Точинов Виктор»

2004

Лидин А.

Императорская охота / А. Лидин — «Точинов Виктор», 2004

«... Эту легенду об охотнике-оборотне вам расскажут в любом кабаке того маленького приморского городка. А если поблизости нет егерей, то могут и спеть запрещенные новым Старшим Егерем, но почему-то не забытые в народе баллады Охотника. Баллады, посвященные Леоноре...» Александр Лидин – специалист запредельных жанров: психоделической прозы, литературы ужасов...

© Лидин А., 2004

© Точинов Виктор, 2004

Содержание

Александр Лидин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Лидин Императорская охота

...свет моей жизни, огонь моих чресел.
В. Набоков «Лолита»

«Господи, ну почему мне так не повезло! Почему ты не снизошел благодатью и не уничтожил меня в тот ужасный день, а подарил мне ничтожную жизнь – низменное существование, достойное разве что самых мерзких тварей земных? Почему на меня обрушились страдания, и за какие грехи ты покарал меня, Величайший из Великих? Будь проклята Императорская охота! Будь проклята Академия! Будь проклят Старший Егерь! Будь прокляты леса Эсмиральда! Аминь!»

Каждый день таил для него мучения – мучения грешника, для которого адом обернулась реальность. Каждое утро становилось пыткой, и чтобы побороть глухое отчаяние «я», заключенного в искалеченное, презренное тело, он выбирался из своего маленького обветшалого домика – лачуги, приютившейся на западной окраине городка – и отправлялся на берег.

Зимой он любовался здесь угрюмыми волнами, с суровой неприступностью Обер-ловчих вздымавшими белые шапки бурунов. Волны с шумом разбивались об угрюмые скалы и уходили в ничто, как и все в его застывшем мире. А летом над ним насмехались приходившие купаться мальчишки. Состязаясь в остроте языков, визгливая детвора корчила рожи и выплескивала запас зла, что скапливался за день в суете жизни подрастающих Охотников и Егерей.

Мальчишки изводили его. Озорники дразнились и корчили рожи – не осознавая своей жестокости, совершенно уверенные в абсолютной безнаказанности, они обижали его для забавы, а вовсе не по злому умыслу. В то же время пожилые, выдавшие виды люди относились к нему с угрюмой снисходительностью, милостиво даря свою доброту – которая, по его мнению, полагалась ему по праву, а не из презрительной жалости. Но взрослые всего лишь жалели искалеченного, совершенно седого парня на инвалидной коляске – жалели, словно делая ему величайшее одолжение, и тут же гордо задирали нос, наслаждаясь своим неподкупным бескорыстием.

Одинокими летними солнечными и невероятно долгими днями на пляже, возвышаясь над песчаной равниной, которую непоседливые малыши превращали то в фантастически многочисленные песчаные замки, то в арену ожесточенных кулачных боев, он погружался в чтение древнего «Сунь-Укуна» и вновь, на этот раз мысленно, путешествовал по невообразимым сказочным странам, заселенным ужасными тварями. И тогда он проклинал профессию, которая в детстве, как и большинству мальчишек, казалась ему столь романтической – но вместо радости познания неведомого принесла лишь боль невозполнимой утраты, сделав калекой.

Раньше он был Охотником Его Императорского Величества. Целых пять лет после окончания Академии он путешествовал по лесам Эсмиральда, и на его счету числилась масса нечисти. Он слыл хорошим Охотником... Двадцать семь лет. Ему еще предстояла долгая жизнь (люди Приморья доживали до девяноста, а многие и до ста лет) – жизнь никому не нужного калеки.

Сидя в своей коляске, он с завистью смотрел на голопузых мальчишек. По привычке сотворив заклятие «от водяного», они с разбегу бросались в искрящиеся прозрачные воды Зеленого моря и тут же выныривали наружу хохочущими поплавками. Как хотел бы он вот так же пробежаться по горячему, обжигающему песку, расслабившись, лениво проплыть до острова, черной скалой темнеющего у горизонта... Или залезть на холм и через дыру в старом, ветхом заборе проскользнуть в город Древних – заросшие руины, что с незапамятных веков

возвышались над городом. Он много раз подъезжал на своей каталке к забору и с завистью поглядывал, как мальчишки, один за другим, протискиваются в щель между разошедшимися досками, чтобы соприкоснуться с Госпожой Историей, пройти мимо замшелых стен или спуститься в сырые, полутемные казематы, пропитанные запахом плесени.

Вечерами, долгими тоскливыми вечерами, когда время превращается в бесконечность, словно в насмешку притормозив свой и без того медленный бег, он пил. Пил, чтоб быстрее шло время, чтобы забыться. Отрешиться от унижительного состояния, до которого докатился он – бывшая гордость Академии, герой Огненного десанта. Пил и писал стихи.

Когда ты одинок, то накинь
Плащ Печали на плечи,
Подойди и...

«О Боже! О Всемогуший Повелитель Всех и Вся, твой безропотный раб взывает к тебе! Я хочу ходить! Я хочу, чтобы ожили мои ноги... мои высохшие мертвые ноженьки! Я хочу жить! Я... Аминь!»

И он снова пил. Так продолжалось, пока он не встретил ее – свою Леонору, свою Лолиту, свою Офелию.

* * *

Обидно! В тот самый день, ставший для него Днем Возрождения, Днем Пробуждения, днем, подарившим новую жизнь, и днем первого шага к смерти; днем, когда он впервые услышал ее голос, впервые увидел ее, впервые заговорил с ней... В тот самый день он не услышал ее шагов, не распознал их среди сотен малых шумов, тихих скрипов, топтания, шарканья множества ног; не узнал их как первоначало будущего знакомства, как единственное, что несло смысл естеству его обиженного судьбой существования и таило грядущие перемены. Влекло переосмысление, переосознание окружающего мира – казалось бы, столь прочного, но на деле шаткого, словно карточный домик. Может быть, именно поэтому при всех их последующих встречах он, даже закрыв глаза и выжидая где-нибудь в тени тента, шуршащего полосатой тканью при малейшем дуновении ветерка, всегда точно выделял шорох ее по-звериному осторожных шагов из общей какофонии бессмысленных звуков пляжной жизни. Но в тот самый первый день он не почувствовал ничего. Не ведая надвигающихся перемен, он нежилась под жарким, палящим солнцем и, перелистывая «Развеянные чары», пытался вникнуть в суть различия «таи и» и «сяо и».

Он не слышал, как она подошла и встала у него за спиной, чуть вытянув грациозную шею и разглядывая пожелтевшие страницы, на одной из которых неведомый ныне мастер древности тончайшими росчерками пера изобразил трех лис-оборотней. Только по тени, накрывшей книгу, он понял, что кто-то подсматривает, притаившись за спинкой его кресла. Разозлившись (вспыльчивость давно стала главной чертой его характера), он резко развернулся, готовый осыпать стоявшего позади человека серией тщательно отобранных грязных ругательств, которых постыдились бы даже матросы в припортовых кабаках. Но слова площадной брани замерли у него в горле, когда, прикрыв глаза ладонью, словно ища спасения от слепящего солнечного света, он увидел ее точеный профиль на фоне ослепительно выжженного, почти белого неба.

Нет смысла описывать ее. Все равно в городке о ней теперь рассказывают по-разному. Каждый рисует свой портрет. Но в тот день она показалась ему ангелом во плоти – той, о которой следующей пьяной ночью он вывел дрожащей рукой такие строки:

И на крыльях воздушного, яркого, дикого змея

Прилетит ко мне та, кого ждал, хоть не верил, всю жизнь...

Видя его смущение, она чуть пригнула голову («о, эта грациозная шейка, этот поворот, наклон головы!») и спросила хрипловатым, нежным грудным голосом:

– Вам интересно читать такую умную книгу?

Он ничего не ответил. Как хотел бы он сейчас стать здоровым, пусть только на одну минуту. Всю жизнь за мгновение – то мгновение, когда, взяв за руку незнакомку... именно о ней, ни о ком больше он отныне не мог даже подумать... он прошелся бы по знойному пляжу... И там, в тени башни, разрушенной неведомыми завоевателями, она поцеловала бы его. Да, да, непременно поцеловала бы. Он был уверен, он знал это. И лишь поднеся руку к щеке и почувствовав подушечками пальцев иголки семидневной щетины, он вспомнил свое отражение, увиденное в зеркале, висевшем в винной лавке (дома он не держал зеркал), куда заезжал каждый день, возвращаясь с берега. Он вспомнил изможденное, опухшее от пьянства и бессонных ночей лицо молодого старика и, пытаясь скрыться от позора – или прося прощения у Всемогущего, – он прикрыл лицо руками.

– Что с вами? Я вас чем-то обидела? Простите, я не хотела...

В ее голосе ему послышался испуг, нежность и нежелание причинить боль кому бы то ни было – пусть даже самому отъявленному мерзавцу, даже если тот и заслуживает наказания.

«О Боже! Ты дал мне силы перенести ужас убогости, кошмар беспомощности! Дай же мне сил перенести пытку уродства!»

– Нет, я вижу, что чем-то вас расстроила.

Она присела рядом, на скамейку, возле которой стояло его инвалидное кресло, и осторожно коснулась его руки. Это прикосновение что-то изменило в нем. Он почувствовал тепло этой руки, ее силу, и, посмотрев ей в глаза, робко улыбнулся. Эта улыбка, вначале заискрившаяся лишь в уголках глаз, медленно сползла на края губ и там, спрятавшись в седой щетине, придала его лицу гордое и даже несколько высокомерное выражение.

– Я... Я испугался, что оскорбил вас... тебя... – он замолчал, затянув паузу, выжидая, что она произнесет свое имя. Нежной и терзающей сердце мелодией скрипки прозвучал ответ:

– Леонора.

– Лео-но-ра, – повторил он, прислушиваясь к чуть твердому, но какому-то южному, добродушному «лео», переходящему в строгое «но», и завершающему стаккатно звонкому «ра».

Так они и познакомились.

Он узнал, что зовут ее Леонора, что она любит вышивать разноцветным бисером и живет с отцом, отставным егерем, неподалеку от маяка, на другом конце приморского городка. Испугавшись, что его имя ей не понравится, он назвал себя просто Охотником. А потом он долго рассказывал ей о нечисти, о лесах Эсмиральда, далеких походах, заброшенных колдовских землях и ночевках у костра на берегах бездонных черных озер...

А когда стало темнеть и большое багровое солнце окунулось в свинцовые воды Зеленого моря, они простились, но Леонора обещала, что обязательно придет на пляж на следующий день.

* * *

Вечером того же дня Охотник (я стану называть его тем именем, что он сам себе выбрал) впервые за три года, прошедшие с момента оставления службы, не зашел в винную лавку старого Витама. Добравшись до дома, он вытащил из пыльного, пропитанного нафталином сундука охотничий мундир – тот, в котором он восемь лет назад щеголял на пляже перед Академией.

Разложив его на столе, Охотник отыскал разноцветные лычки, узорные гербовые нашивки и потускневшие, но от этого выглядевшие еще более героическими медали, которыми наградил его Император за многие славные дела. Дела, которые успел совершить он за пять лет, пока никчемным инвалидом не ушел в бесславную отставку.

Он никогда не задавал себе вопрос: кому нужна Охота? Зачем посылать бравых, здоровых парней на смерть в леса Эсмиральда? Приказы Императора не обсуждались, а опасная жизнь первопроходца, радость повелевать судьбой и оружием утверждать свое право сильнейшего пришлось ему по душе.

Когда Охотник почти закончил работу над своим мундиром, в дверь постучали. Стук заставил его вздрогнуть. Расставив руки, он, словно курица, попытался закрыть свой мундир от чужого взгляда, как курица прикрывает малых цыплят от взгляда незваного гостя – коршуна.

– Кто там? – спросил он и не услышал своего голоса. Слова застряли в гортани. На мгновение ему показалось: вот она! Наглая и бесцеремонная толпа, которая сейчас вломится в дом, в его последнюю крепость – чтобы громко рассмеяться над ним и над его неожиданно вспыхнувшей... Чу! Ни слова! Ведь это и вправду смешно: красавица и калека – опустившийся урод, пытающийся припомнить былую славу, вытащив из могилы давно погребенный труп своего величия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.